

СЪЕЗД РАЗРУШИТЕЛЕЙ

30 ЛЕТ НАЗАД В РОССИИ БЫЛ РЕСТАВРИРОВАН КАПИТАЛИЗМ

Окончание. Начало — на стр. 1

Андрей ФЕФЕЛОВ. Вашу иронию разгадать нетрудно. До 1985-го миллионы в наших городах стояли в очередях за колбасой в гастрономах и за импортными шмотками в универмагах. Горбачёв же им уготовил ещё и очереди в винных магазинах. Но этим он толкал их к трезвости. И резонно ли его за то попрекать?

Николай АНИСИН. Со времён Хрущёва неурядицы в нашем государстве умножались с каждым годом и вызывали неурядицы житейские. Их всё чаще заливали алкоголем, его потребление с середины 1950-х до середины 1980-х увеличилось в три раза. Спаиванию народа надо было хоть как-то противодействовать. Поэтому к сути постановления ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма", обнародованном в мае 1985-го, предъявлять претензии действительно нерезонно. Но чтоб оно сыграло хоть какую-то животворную роль, вся подчинённая Горбачеву пресса должна была обрушить на граждан убогие аргументы за трезвость. Но этого сделано не было ни летом 1985-го, ни позже.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Кстати, меня как-то спросили: надо ли сегодня в современной России вводить сухой закон? Я ответил: да. Но делать это надо не законом или указом, а пятилетней или даже семилетней антиалкогольной "промысловой умов".

Николай АНИСИН. Меры горбачёвского постановления против пьянства свелись к свёртыванию производства и продажи спиртного. Нескончаемые очереди за ним спровоцировали бурный рост самогонварения и привели к потерям 25% доходов государства, поступавших из розничной торговли. Стало быть, ограничением вино-водочных продаж Горбачёв к трезвости мало кого склонил, а бюджет СССР лишился миллиардов рублей. И тем самым урезал расходы на благополучие огромного числа непьющих. То есть совершил против них диверсию. А вот следующая его диверсия была связана как раз с "промысловой умов" — идеологической промывкой, которая получила название гласность.

Андрей ФЕФЕЛОВ. С чего и как она, по-вашему, началась?

Николай АНИСИН. Старт ей был дан летом 1985 года на уникальном мероприятии, которого ещё не было в советской истории. Новый генсек ЦК вписал новую строку во взаимоотношения власти и прессы СССР. Он сам провёл рабочее совещание со всеми главными редакторами газет и журналов. Они, ошарашенные прямым контактом с верховным правителем, ничего у него не просили. Горбачёв же дал им понять, что не только можно, но и нужно расширять рамки дозволенного в журналистике и литературе. Что за его намёком крылось, стало ясно после очередного съезда — XXVII съезда КПСС, который состоялся в феврале марта 1986-го.

На этом съезде Горбачёв более внятно повторил сказанное им на апрельском Пленуме ЦК в 1985-м: "В стране намелились застойные явления — и надо ускорять, углублять, улучшать её развитие".

Делегаты данный тезис проглотили и, следовательно, курс на перемены в СССР благословили. Вместе с этим они проголосовали за тот состав ЦК, который был желателен Горбачёву. И, следовательно, полностью развязали ему руки. Проведя в ЦК своих ставленников, он мог теперь кое-что угоднo в его Политбюро вводить, кое-что угоднo — выводить. Под полным контролем Горбачёва оказался тот орган власти, решения которого обязаны были выполнять все инстанции страны. Ему с марта 1986-го можно было проводить любые преобразования. Но полная свобода им была использована только на расширение гласности. Такой гласности, которая не совмещалась с востребованными народом реформами.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То есть, вы видите здесь обратную зависимость?

Николай АНИСИН. Чтобы пояснить это утверждение, нужно чуть отойти от перестроичного времени.

Итак, когда Горбачёв в начале 1950-х учился в МГУ, то как пить дать сто раз слышал песню, нравившуюся Сталину и Мао, "Москва-Пекин". В её тексте была далеко небессердечна строка "Русский к китайцем — братья навек!", за которой крылось совершенно неопровержимое: русские и китайцы в XX веке были одним политическим лыком шиты.

Они, точно скопировав наше жизнеустройство в конце 1940-х, получили потом от нас помощь кредитами, техникой, обучением специалистов и увидели позке мир рынком в экономике. А в 1960-е застопорились в поступи. Так же как и мы.

Самодурство Хрущёва разорвало советско-китайскую дружбу — две страны пошли разными путями. Но под сходные откосы упали. Но с 1978 года Китай, ведомый Сяопином, стал от проблем ударно избавляться, а СССР в своих проблемах по-прежнему увязал, как в грязи.

Сяопинский план реформ системных основ социализма не затронул. Какими они были, такими и остались. Но в них заработала "волшебная палочка", имя которой — стимул к труду.

Семьям и коллективам китайских крестьян разрешили с делей продуктив самим выходить на покупателей. Сначала их voluntary доля была мизерной. По мере же складывания механизма сбыта она возрастала. Как в крестьян, а вслед за ними и переработчикам их продукции, была предоставлена возможность иметь неограниченный доход с продаж. Это вызвало нарастание продовольственного вала.

От централизованного планирования в промышленности Дан Сяопин не отказался и сохранил в собственности государства все фабрики и заводы. Но их коллективам, помимо товаров, предписанных властями, дозволили производить продукцию по своему усмотрению. Ту, которую они самостоятельно могли продать с максимальной выгодой внутри страны и за границы. Получив такую возможность, китайские работники на машинах, привезённых из СССР ещё при Сталине, стали выпускать ширпотреб, по пisku моды не уступавшими западному. Лёгкая промышленность Китая была рекорд за рекордом. Рекорды и доходы позволяли вводить достойные материальные стимулы.

С 1978 по 1985 год китайцы доказали себе и миру, что их экономическая система социализма не просто жизнеспособна — она эффективна. Советская система была ничем не хуже и не лучше китайской. И застой в экономике СССР можно было преодолеть только теми же методами, которые применялись в КНР.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То есть вы хотите сказать, что Горбачёву в 1985 году вообще не следовало напрягать мозги, а лишь скопировать китайский опыт, и у нас бы тоже случился экономический бум?

Подписной индекс газеты "ЗАВТРА" — 32525 в Объединённом каталоге "Пресса России"

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Николай АНИСИН. Если бы я такое сказал — это было бы курам на смех. Китайцы засучили рукава в построении экономики с конца 1940-х, а мы — с конца 1920-х. Наша экономическая система была гораздо сложнее китайской. А производственный и научно-технический потенциал СССР в разы превышал потенциал КНР, где до реформ Сяопина был голод и нехватка всего и вся; у нас же до прихода ко власти Горбачёва был дефицит лишь качественных продуктов и модного ширпотреба. Поэтому реформы в СССР должны были проводиться с учётом его своеобразия. Но начаться они должны были с того же, что и в Китае — с введения мощных стимулов к труду в коллективах крестьян и производителей ширпотреба. Рано или поздно, с Горбачёвым или без него, такие стимулы в СССР ввели бы. Но гласность помешала найти к ним дорогу.

Тот состав ЦК, который утвердил 27 съезд КПСС в марте 1986-го, избрал секретарём ЦК возвращённого в Москву Горбачёвым советского посла в Канаде Александра Яковлева. Он возглавил Агитпроп, под чьим жёстким контролем находилась вся пресса страны, и в ней её новый начальник и его подчинённые всё меньше стали сдерживать натиск злыхопхателей. Поводок, на котором их держал Агитпроп, поменьеньку удлинялся: изгаляйтесь, как угодно, над уродствами нашей жизни и над прошлым СССР. Сочетая одно с другим, злыхопхатели пусть и не напрямую, но подспудно подводили граждан к мысли, что все множасьие беды оттого, что строй без частной собственности есть случайный вывих мировой истории, и он (советский строй) от своего зарождения был порочен. Примеры такого вдалбливания привести?

Андрей ФЕФЕЛОВ. Они известны.

Николай АНИСИН. Успех злыхопхателей в общественном мнении, конечно бы, не состоялся, если бы Горбачёв в 1987-м отменно не взорыхлил для них почву.

В январе того года он созвал в Кремле очередной Пленум ЦК и выступил с докладом, где заявил: "В СССР налицо не отдельные застойные явления, а настоящий системный кризис, и потому необходимо обновление всех сторон жизни страны".

Таким образом, им было признано, что ему в роли первого лица понадобилось почти два года, чтоб уразуметь то, о чём давным-давно талдычили на советских кухнях. И притом он умолчал, почему за все эти два года ни разу не употребил данную ему абсолютную власть генсека для хоть какого-то практического обновления и устранения кое-кого застойного явления.

Исполнения же обещанного Горбачёвым на январском Пленуме ЦК ждать долго не пришлось. Он запустил обновления по собственному сценарию и вразрез с тем опытом, который дал блестящие результаты в Китае.

Дан Сяопин начал свои реформы с расчистки препон к заработкам несметным семьям китайских крестьян. Горбачев же в январе 1987-го предоставил радость новых доходов избранным лицам в управленческой номенклатуре. Разрешил деятелям министерств, которые, по сути, были хозяйственными госкорпорациями, учреждать совместные предприятия (СП) с иностранными компаниями, где можно было самостоятельно устанавливать зарплату.

Спустя месяц, в феврале 1987-го, Горбачёв "благословил" создание производственных кооперативов. И тем содействовал прибылям очень узкого слоя граждан, которые сколотили деньги на теневой перепродаже товарного дефицита и иных запрещённых законом операциях. Теперь они могли легализовать накопления в их частных предприятиях и снимать барыши на производстве дефицитных же товаров на виду у правоохранителей.

Летом 1987-го генсек ЦК партии трудящихся не преминул вспомнить о рабочем классе и проявил заботу о стимулировании его труда. Но заботу странную.

В конце июня этого года вышел закон СССР "О госпредприятии", в котором читалось стремление одним махом разрешить все проблемы во всей промышленности СССР.

В Китае на первом этапе реформ новые стимулы в индустрии вводились только на предприятиях ширпотреба. Только их коллективы получали сначала частичную, а затем и полную самостоятельность. Одновременно расширялась свобода в торговле. Отсюда же тяжёлой индустрии остались в беспрекословном подчинении государство. Коллективы её заводов поощрялись за счёт сбережения ресурсов и оптимизации расходов.

Реформы Сяопина были реформами с индивидуальным подходом к разным секторам индустрии. Горбачёв же надумал придать новую мотивацию к труду сразу во всех хозяйствующих субъектах промышленности. Его закон "О госпредприятии" равно распространялся на чулочную фабрику и АЭС, на авиационный завод и трикотажный комбинат.

По этому закону предприятия во всех отраслях даровалась большая, чем прежде, самостоятельность в распоряжении финансами и средствами производства. Но самостоятельность одинаковая. И потому они остались в одинаковой зависимости от министерств, поскольку закон не отменил ни директивные установление цен и ассортимента товаров, ни плановое распределение сырья не только в тяжёлой, но и в лёгкой промышленности. Стало быть, фабрики ширпотреба по-прежнему обречались на выпуск по предписанной свыше стоимости тех товаров, которые не востребовались покупателям.

Андрей ФЕФЕЛОВ. О стимулах в коллективах лёгкой промышленности Горбачёв порадел формально, а какую новую трудовую мотивацию он предложил для сельского хозяйства?

Николай АНИСИН. Ни одного правового акта, который бы толкал колхозы-совхозы к умножению и сбережению их продукции принято не было.

В 1987 году политика Горбачева осталась политической не бе ни ме ни кукареку.

Своих продуктов в стране не прибавилось, импортные закупки в связи с падением цен на нефть сокращались. И очереди в гастрономах становились всё длинней. А закон "О госпредприятии" на рынке ширпотреба никак не сказался, а с дефицитом модных товаров Горбачёв надумал покончить, дав максимальный простор кооперативам.

Они с февраля 1987-го по постановлению правительства СССР могли заниматься лишь производством потребительских товаров с добровольными работниками. В мае же 1988-го Горбачёв утвердил закон "О кооперации", по которому кооперативы разрешалось создавать в любой сфере деятельности с любым использованием наёмного труда. В результате в государственную экономику СССР начал внедряться альтернативный капиталистический уклад.

Дан Сяопин в социалистическом Китае частный капитал тоже узаконил. Но тогда, когда коллективы крестьян и работников госпредприятий ширпотреба получили финансово-хозяйственную свободу. Такую же, что была у частных предпринимателей.

Утверждая в экономике Китая принцип "не важно, какого цвета кошка — лишь бы она ловила

1989 год. Под прикрытием депутатской «массовки» уничтожалась мировая сверхдержава.

мышей", Дан Сяопин утверждал в ней состоятельность. Ту, которая подхлёрстывала изощряться в производстве и сбыте как самоуправляемые государственные, так и частные предприятия. И тем доказал, что успех на рынке зависит не от формы собственности, а от мотивации работников: где она выше, там и лучший результат.

В советской экономике в 1988-м конкуренция между субъектами деятельности с разными видами собственности исключалась. Фабрикам, в отличие от кооперативов, не дана была возможность выпускать и продавать то, что им угодно.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я, будучи учеником десятого класса, ходил на выставку кооперативных товаров, устроенную в павильонах Стройэкспо. Там предлагались товары, которых не было в универмагах. Стоили они дорого, раскупались ходко. Но джинсы и куртки, спортивные костюмы и кроссовки, футболки и шлёпанцы, за которые платились немалые деньги, как по пошиву, так и по качеству материалов смотрелись жалковато. И я тогда подумал: почему точно такие же товары, на которые есть спрос, не выпускают к более качественным исполнением на фабриках?

Николай АНИСИН. Чтобы, например, пошить футболки с надписями "Только так — "Спартак"!" или "А я упрямо болею за "Динамо"!" директору фабрики надо было получить разрешение в министерстве. Затем утвердить фасоны в Госкомитете по стандартам и согласовать надписи в райкоме или горкоме партии. Но не морoka его останавливала. Продать футболку он мог только по так называемой экономической обоснованной стоимости, которую одобрял в Госкомитете по его цене, а не по той, что готов заплатить покупатель.

Крупные заработки трудовым коллективам фабрик ширпотреба мог обеспечить только прямой выход на покупателя со своими ценами. Но не они, а кооперативы его получили, и это было легализацией в СССР широкой несправедливой наживы.

Получив за 5 рублей патент на кооператив, энергичный советский гражданин мог взять кредит по низкой (менее 1%) ставке, задёшево арендовать отопляемый склад или тёлый подвал, установить в них арендованные машины и бросить клич: "Гой вы, мастера и мастеровицы, кому охота за день работы получить столько, сколько платят за неделю на фабрике?"

Спрос на модную одежду и обувь был такой, что продать их можно было не в два-три, а в десять раз выше себестоимости.

Осенью и зимой 1988 года в СССР ежедневно регистрировались сотни тысяч кооперативов. Доля их товаров в ВВП страны увеличилась десятикратно: с 0,1 до 1%. Порождённые Горбачёвым капиталистические ростки были, казалось бы, почти незаметны среди могучих деревьев социалистической экономики, но кооперативы имели шанс на неограниченные заработки, трудовые коллективы госсектора — не имели. И новоявленные ростки капитализма, вживившись в огромную социалистическую экономику, воздействовали на неё так, как действуют заразные микробы в ослабленном теле.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То есть был в нашей экономике застой, а внедрили в неё кооперативы — и ней проявился упадок?

Николай АНИСИН. Общего падения производства в экономике страны не наблюдалось ни к концу 1988-го, ни к марту 1989 года, к которому мы в нашем разговоре поменьеньку подбираемся. А что же в ней случилось?

Английское слово "corruption" на русский можно перевести как "порча" или "упадок", а можно и как "коррупция" — подкуп распорядителей людьми и собственностью. Так вот, с появлением кооперативов и уравненных с ними в правах Центров научно-технического творчества молодёжи (ЦНТТМ) при райкомах-обкомах комсомола в СССР началась та порча начальников деньгами, которая немедленно отразилась на самочувствии общества в целом.

У той массы граждан, которые регистрировали кооперативы, на руках не было ничего, кроме патентов за 5 рублей. Запустить производство удавалось лишь, как правило, самым пронзырливым из них. Тем, кто мог добиться кредитов, аренды зданий и оборудования, а главное — получить доступ к материалам и сырью, которые по фондам распределялись между предприятиями. Их руководители опять-таки, как правило, за взятки перекачивали ресурсы в производственные кооперативы, сокращая выпуск своих дешёвых товаров. В результате стали возникать первые перебои с са-

мым ходовым ширпотребом. Торговые же кооперативы скупали продукты на оптовых базах и втридорога продавали на рынках и в своих магазинах и таким образом удлиняли очереди в государственных гастрономах.

Острый товарный дефицит в стране мало-помалу превращался в дефицит вопиющий и оборачивался в неприязнь к власти вообще. Эта неприязнь не забурила на улицах ни в конце 1987-го, ни в начале 1988-го только потому лишь, что в стране воцарилась гласность. Самая активная часть общества была погружена в чтение запрещённых ранее анти-советских книг и публицистики, увязывавших нынешние неурядицы СССР с его врождёнными пороками.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А при всём том Горбачёв мог бы, ничего не меняя в курсе политики, спокойно сидеть при власти годы и годы?

Николай АНИСИН. Давайте разберёмся... В новостях на телеэкранах Горбачёв зимой-весной 1989-го смотрелся вполне уверенно. Гражданин впечатляло почтение к нему лидеров стран Запада. Та газетно-журнальная пресса, которая набрала популярность на критике советского прошлого и настоящего, лично ему каверз не устраивала. Он часто колесил по городам и весям СССР. Встречался с рядвыми гражданами и не сторонился разговоров ни о бытовых, ни о производственных неурядицах. Кому и зачем это было нужно?

Когда, например, Горбачёв посещал Красноярск, ему сообщали: "Смотрите, хвойный кругляк из нашей тайги грузят в вагоны и за тысячи километров доставляют на Северный Кавказ. Там его распиливают, а доску, брус и горбыль отправляют обратно на стройки Сибири". Он среагировал адекватно: "Надо ставить пилорамы на сибирских реках".

Это его устное распоряжение было разнесено прессой, но не обернулось в письменное поручение правительству и Госплану внести изменения в структуру лесопереработки. То есть растворилось в воздухе.

Скожая участь постигала и распоряжения Горбачева в иных городах. Он искренне возмущался тем абсурдом, на который ему указывали в разговорах, от всей души высказывал намерение навести порядок и умывал руки, как говорится.

Пользы от хождения Горбачёва в народ не было никакой. Но ему нравилось вдохновлять народ пустопорожними обещаниями, и они для него самого не были бессмысленными.

Советские люди, носившие портреты членов Политбюро ЦК на праздничных демонстрациях, увидев его, генерального секретаря, в цеху, в магазине, на улице, сначала столбенеяли, потом млеги: вот это да! — к нам во плоти сошёл "небожитель". В их восторженном изумлении была и неподдельная приязнь к нему.

Собственная репутация Горбачёва в стране была вполне приличной. Но вал проблем от его политики нарастал, и граждане теряли надежды на лучшее. Раздражение в народе выплёскивалось на партсобраниях в трудовых коллективах и давило на аппарат в райкомах-обкомах КПСС. Их руководители, постоянно сталкивавшиеся лицом к лицу с гражданами, не находили слов, чтобы объяснить им, почему их жизнь без войны становилась всё хуже и хуже.

В структурах партии медленно накапливались проздания нева. А это прозило непредсказуемостью в поведении членов ЦК КПСС. Сегодня они сплещи и рядом клянутся в преданности Горбачёву, завтра им раз плюнуть, чтобы простым большинством голосов, отрешить его от поста генерального секретаря: извини-прости, дорогой Михаил Сергеевич, ты нам со своей перестройкой осточертел — пора тебе на досрочную пенсию...

Чтоб не зависеть от отношения к нему десятков членов ЦК, Горбачёв и подавил на Политбюро решение, которое обязывало Верховный Совет страны внести те поправки в союзную Конституцию, которыми верховная власть передавалась Съезду народных депутатов СССР: что он постановит — так тому и быть на одной шестой части суши.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Съезд, по Конституции, был высшим законодательным органом. Между его заседаниями вся полнота власти сосредотачивалась в руках Верховного Совета СССР, обладавшего правом формировать правительство и, соответственно, предпределять политику страны. Что давало Горбачёву основане верить, что 1500 делегатов, выигравших выборы в округах, и 750 депутатов, избранных от всесоюзных общественно-политических организаций, именно его поставят во главе Верховного Совета?

Николай АНИСИН. В марте 1989 года вся текущая жизнь страны по-прежнему предопределялась аппаратом КПСС. А он всё ещё "смотрел в рот" генеральному секретарю. И у Горбачёва просто не могло быть сомнений, что абсолютное большинство на Съезде получат лояльные к нему депутаты.

Кандидаты, поддержанные партией, проиграли выборы в округах Москвы, Ленинграда, Волгограда, в некоторых других, а также в двух-трёх всесоюзных организациях. Но это во вред Горбачёву не пошло. Он, получив без проблем главный пост в новом центре высшей власти, независимом от узкой прослойки КПСС, обрёл ту депутатскую оппозицию, которая позволила ему не опасаться народного бунта против его политики.

Представители этой оппозиции обладали красноречием. В их выступлениях на заседаниях Съезда прорывалось то массовое недовольство перестройкой, которое пыталась загасить райкомовско-обкомовская машина КПСС. Поэтому депутатские словопрения превратились в захватывающее шоу.

Собравшийся в мае 1989-го Съезд вправе был любого в системе власти съесть и что угодно в ней вверх тормашками перевернуть. Интерес к его заседаниям, которые транслировались в прямом эфире, был огромен. Миллионы граждан, отлынивая от служебных обязанностей, льнули к телеэкранам и радиоприёмникам. Если же эти заседания затягивались до ночи, то насосы водоснабжения городов работали с той же нагрузкой, что и днём. Граждане целыми семьями откладывали готовку еды и принятие душа и торчали у телевизоров. Такого не было даже при вечерних показах самых знаменитых советских телесериалов.

Шум-гам на съездах стал той дымовой завесой, которая прикрыла движение страны к катастрофе и сделало невозможным её предотвращение.

Катастрофа в СССР, как мне представляется, случилась не по одной причине, а по многим причинам сразу. Но среди них была всё-таки главная. И именно от неё Съезд отвлёк внимание народа.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Эта главная причина была не в надстройке общества, а в его базисе — экономике?

Николай АНИСИН. Конечно. Те ростки капитализма в СССР, которые Горбачёв посеял в виде СП, кооперативов и Центров научно-технического творчества молодёжи, с весны 1989 года стали превращаться в крепкие побеги. Накопление ими капитала быстрыми темпами происходило прежде всего через экспортно-импортные операции.

Сырьё и материалы, которые по фондам распределялись между предприятиями, при дешёвизне энергосиетилей и рабочей силы в СССР, стоили гроши. И директора заводов-фабрик, добиваясь сокращения госзаказов, всё больше стали сплавлять этого самого сырья кооперативам и ЦНТТМ. Те же доставшееся им по советским ценам продавали за границу по мировым, где, собственно, закупали партии товаров, на которые в СССР был ажиотажный спрос: бытовую и офисную технику, пластинки и кассеты, модную одежду и обувь. Эти партии расходились от Москвы до самых до окраин так, что один рубль, вложенный в закупку, приносил доход в 50 долларов при продаже.

Совершив этот тройной манёвр, торговцы возвращались на круги своя — к новым закупкам фондовых материалов. Часть шальной прибыли в 500% им удавалось отстёгивать не только получателям, но и распределителям фондов в центральных ведомствах. Наряду с экспортом металлов, тканей, резины, стекла, пиломатериалов на Запад, они наладили продажу за доллары изделий советской лёгкой промышленности в страны Азии и Африки. Началу мизерный уклад капитализма всё больше жирел на поедании ресурсов огромной социалистической экономики. Но это оставалось незамеченным и не вызывало грандиозных протестов, потому что за стенами Кремля гудел-галдел депутатский Съезд, подававший надежды вот-вот всё переиначить во имя и во благо большинства граждан. И в итоге наступавшее опустошение (запустение) в советских магазинах сопротивления не встречало. Горбачёву удалось довести страну до тотального дефицита товаров; а чтобы ускорить распад Советского Союза и утверждение в его республиках вызревшего капиталистического уклада, понадобилось лишь несколько политических манипуляций. Поэтому рождение Съезда народных депутатов СССР, сохранив личную власть Горбачёва, стало точкой невозврата на пути к гибели нашей страны и её уникального строя...

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ